

Официальные данные о потерях СССР менялись три раза. В 1946 году Сталин объявил, что Советский Союз потерял 7 млн человек. В другую эпоху – при Хрущеве и Брежневе – говорили уже о 20 миллионах. В конце 1980-х годов, при Горбачеве, эта цифра увеличилась до 26,6 млн человек. У некоторых историков в период «перестройки» появилось собственное мнение: число жертв войны составило якобы не менее 40 млн. Однако до сих пор официально признанными являются «горбачевские» 26,6 млн. Эту цифру получили в результате исследований, проведенных во второй половине 1980-х годов Госкомстатом, Центром по изучению проблем народонаселения при МГУ и Генштабом Вооруженных сил.

– Это суммарные потери гражданского населения и военнослужащих, – пояснил известный военный историк генерал-майор запаса Александр Кирилин, длительное время возглавлявший управление

1942: бомбим Берлин

фото ТАСС

Герой Советского Союза, генерал-полковник в отставке, бывший командующий дальней авиацией СССР Василий Решетников на своем летном веку пилотировал самолеты многих типов.

Но самый любимый – бомбардировщик Ил-4. Более трех сотен боевых вылетов совершил он на Иле в годы войны. Бомбил и Берлин.

Полк, в котором воевал Решетников, считался элитным, подчинялся напрямую Ставке Верховного главнокомандования. И отбор был жесточайшим – брали только опытных пилотов, успевших дослужиться, как минимум, до командира эскадрильи. Решетников оказался единственным, не имевшим боевого опыта.

На календаре – декабрь 1941 года. Встретили асы пришедшие к ним новички не сказать чтобы очень тепло. Они – майоры да капитаны, многие с орденами, а он – никому не известный младший лейтенант. Командир полка берег свою «старую гвардию», выпускал в основном на ночные бомбежки. Дневные задания по большей части доставались новичкам. День – не ночь. В светлом небе самолет как на ладони: с земли по нему лупят зенитки, в воздухе подстерегают истребители. В общем, шансов вернуться с дневного задания в начале войны было меньше половины.

Уже во втором боевом вылете экипаж Решетникова едва не угодил в серьезную переделку. С десятков Илов шли бомбить крупную авиабазу под Смоленском, откуда немецкие «юнкерсы» и «хейнкелы» совершали рейды на Москву.

Взлетели со своего аэродрома в подмосковных Химках, однако к Смоленску прорвалась только самолет Решетникова. В одиночку. Остальные экипажи – кто из-за проблем с мотором, кто просто дрогнув – ушли бомбить запасные объекты.

«До цели пять минут», – раздался в наушниках голос штурмана. Аэродром охраняли десятки немецких зениток. В постоянной готовности дежурили истребители прикрытия. Атака в одиночку такого защищенного объекта выглядела добровольным самоубийством. Но экипажу «илиюши» пришел на

помощь генерал Мороз. Фашистские истребители попросту не успели взлететь на перехват советского бомбардировщика. «Холода в ту зиму стояли лютые, до минус сорока, – вспоминает Василий Решетников. – Моторы «мессершмитов», не рассчитанные на такую низкую температуру, частенько давали сбой. Мороз был вообще огромной проблемой для немцев, в отличие от нас. У нас под самолетами еще с ночи горели специальные печи, гнали тепло под моторные капоты. В масло, чтобы оно не густело, мы добавляли бензин. Немцы так не делали, боялись – взорвется. А мы – запросто...»

Сброшенные бомбы накрыли стоявшие в ряд вдоль взлетной полосы самолеты с крестами на крыльях, превратив их в дымящийся хлам. На обратном пути Решетникову все же попались два «мессершмита» – видимо, шли со

свободной охоты. К тому моменту бомбардировщик уже перелетел линию фронта, а немцы даже в численном превосходстве не любили драться над чужой территорией. Даже сблизиться не стали. Дали издалека пулеметную очередь и ушли

какую гражданскую одежку и пару стоптанных башмаков. По проселкам шныряли полиция и немецкие патрули. В затрапезном наряде был хоть какой-то шанс сойти за местного жителя и избежать опасных расприкос.

Наконец, в одной из деревень летчик встретился групп наших армейских разведчиков, вместе с ними он перешел линию фронта.

Проверка по возвращении была недолгой. Дело в том, что командующий дальней авиацией Александр Голованов еще осенью 41-го обратился к Сталину со смелой просьбой. Чтобы сбитые или потерявшие аварию за линией фронта экипажи «удальников» по возвращении направлялись не в СМЕРШ, а сразу к нему, к Голованову в штаб. Он ручается за своих ребят и всю ответ-

ственность за их благонадежность берет на себя. Сталин, поколебавшись, согласился с предложением Голованова.

Поэтому вскоре Решетников был вновь в родном полку. И в сентябре 42-го ему удалось осуществить заветную мечту каждого пилота дальней авиации тех дней – бомбить столицу фашистской Германии.

Бомбардировщики вылетали уже в сумерках из-под Торопца, дальше через Литву к береговой черте Балтийского моря. Затем, с небольшим поворотом влево, над Балтийским морем к контрольной точке южнее острова Борнхольм. А там уже мимо Штеттина – на Берлин. Погода не баловала. Поперек Балтийского моря растянулся грозовой фронт. Но постепенно стихия утихла и самолеты легли точно на курс.

И вот последняя прямая на Берлин. Город еще далеко, но во мраке ночи возникает сплошная стена мерцающих точек огня – бьют зенитки. Лучи сотен прожекторов обшаривают небо. Издалека кажется, что шевелится огромная щетина. А снаряды уже рвутся на высоте полета бомбардировщиков. Чтобы не попасть под осколки, Решетников решает снизиться до пяти тысяч метров. Ниже опасно – можно нарваться на аэростаты. Сброс! «Бомбы пошли, командир», – докладывает штурман. Вскоре цепочка разрывов взбужает на земле. «Вдруг – резкая вспышка и яркий всплеск пламени, – вспоминает Решетников. – Во что угодил? Что там было на земле? Об этом мы так и не узнали. Уже на выходе из зенитного огня, нам в хвост вцепились два ночных «мессершмита». Я тут же сбросил газ. «Мессеры» проскочили мимо и исчезли в темноте. Большие мы их не видали...»

В тот раз дорога домой для экипажа Решетникова выдалась спокойной. Приземлившись, узнали, что из вылета возвратился весь полк, кроме машины майора Ломова. Он передал по радию о выполнении задания, потом – об отказе мотора. И умолк. О том, что случилось с экипажем дальше, Василий Решетников узнал только после войны. А случилось то что. Не дотянув до Берлина, Ломов решил ударить по Штеттину. После сброса бомб его самолет

угодил под шквальный огонь зениток. Правый мотор был пробит и заглох. На одном левом движке они с грехом пополам дотянули до Литвы и плюхнулись на поверхность небольшого озера. С высоты да еще на скорости удариться о воду – все равно что приложиться о бетон. Радист и штурман погибли. Стрелок Михаил Белоусов сломал руку, но выжил. Сам майор Ломов разбил в кровь лицо, ударившись о приборную доску. Вместе со стрелком они кое-как добрались до берега, где напоролись на вооруженных полицейс, которые прикладами погнали раненых летчиков в немецкую комендатуру. Дальше – плен, тяжелый, долгий, до самого конца войны. А погибших штурмана и радиста похоронили на берегу озера литовские крестьяне из соседней деревни. Такая вот история...

Однажды много лет спустя после войны Василию Решетникову довелось разговаривать с одним американским ветераном, летчиком бомбардировочной авиации. На своем B-17 он тоже летал на Германию. Союзные ВВС утюжили Третий рейх основательно, с американским размахом. Нередко в рейдах участвовали сотни бомбардировщиков сразу. Но и потери американцы несли порой просто гигантские, счет сбитых бомбардировщиков шел на многие десятки – и это за один только вылет. Но воевать американским пилотам было полетче, чем нашим. У них существовала норма: двадцать пять вылетов – и домой. Война для тебя на этом закончилась. Американский ветеран, выполнивший свою боевую норму, спросил у Решетникова: «А вы сколько вылетов сделали на войне?»

«Триста семь», – ответил Василий Васильевич. У собеседника глаза на лоб полезли, прозвучавшая цифра совершенно не укладывалась у него в голове: «Колоссально! Ведь это же, наверное, мировой рекорд!» «Да какой еще рекорд, – улыбнулся Решетников. – Были ребята, налетавшие больше меня. Да разве в этом дело. Мы просто делали свою работу. Били врага. Приближали Победу. Вот и все...»

Борис ОРЕХОВ

Фронтовой «Оскар»

С началом Великой Отечественной войны вместе с маршевыми ротами на фронт ушли и операторы кинохроники – передовой отряд нашей кинематографии.

Они проделали весь длинный и тяжелый военный путь от западных границ СССР до берегов Волги и от Волги до Берлина и Эльбы. Многие из них погибли. За время войны кинооператоры отсняли свыше 3,5 млн метров пленки. Они зафиксировали события, ставшие достоянием истории, создали величайшие документальные ценности. К этой сокровищнице и сегодня вновь и вновь обращаются сценаристы и режиссеры. Кроме того, за годы войны было создано и выпущено на экраны более 500 номеров различных киножурналов, 67 короткометражных и 34 полнометражных военных фильмов...

18 февраля 1942 года на экраны советских кинотеатров вышел документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой». Смотрели его и в воинских частях перед отправкой на фронт.

Одним из операторов этой знаменитой киноленты был мой отец – Александр Эльберт. Вспоминая рассказы матери о его коротких командировках с фронта в Москву, когда он приезжал, чтобы сдать на студию отснятый материал. О войне говорил мало и неохотно. Наверное, хотел хоть ненадолго спрятаться от нее за стенами родного дома. Но все же, пусть и скупо, делился с женой пережитым, осмысленным и увиденным там, на войне. В нашем доме до сих пор хранится уникальная реликвия: большой кожаный диплом «Лауреата сталинской премии» первой степени с тисненными барельефами Ленина и Сталина.

Всего их было девять фронтowych операторов, снимавших эту картину и заслуживших сталинскую благодарность. Датирован диплом апрелем 1942-го и подписан лично Сталиным. Как рассказывала мать, материальное вознаграждение за фильм составляли мешок картошки и продовольственная

карточка Совета министров, которая очень помогла в те трудные времена.

Необычна дальнейшая судьба этой документальной ленты. О ней забыли на долгие десятилетия, и мало кто в Советском Союзе знал о том, что она получила мировое признание. Картина «Разгром немецких войск под Москвой», как оказалось, стала первым советским документальным фильмом, удостоенным самой престижной на планете кинопремии «Оскар». По рассказам очевидцев, произошло это в ходе пятнадцатой церемонии, проходившей 4 марта 1943 года в Лос-Анджелесе в концертном зале фешенебельного отеля «Амбассадор». Для всех присутствующих это стало настоящей сенсацией. Впервые престижная награда американской киноакадемии вручалась иностранной документальной картине. В новой номинации «лучший полнометражный документальный фильм» победителем оказалась советская лента «Разгром немецких войск под Москвой». На лентуной табличке заветной статуэтки было выбито: «За героизм русского народа при защите Москвы и за работу над фильмом в условиях чрезвычайной опасности». Первый отечественный «Оскар» стал признанием мужества, отваги и творческого подвига советских фронтовых

фильма, эту информацию засекретили. Жаль – они были достоянием эе.

«Я просматриваю его записки к отснятым материалам, присланные с фронта монтажные листы и думаю о том, сколько мирных, наполненных солнцем и теплом кадров мог бы он снять, – говорил о моем отце выдающийся режиссер Роман Кармен. – Даже в самые суровые дни войны он пытался запечатлеть своей камерой хоть что-нибудь, напоминающее нарушенный мир». И эти слова кинематографиста, который сам прошел с кинокамерой по трудным дорогам войны, безусловно, можно отнести ко всем фронтовым операторам.

Отца интересовал прежде всего человек, детали жизни людей на фронте и в тылу. В 1942 году он предложил режиссеру Михаилу Служком сделать фильм об одном дне войны, о том, как работают и как воюют, что переживают, о чем думают люди в тяжкие дни войны. Фильм был создан, и назвали его «День войны».

Погиб отец в конце 44-го, в Карпатах, по дороге в отпуск, домой, в Москву. Отпустили его по особому случаю: жену отзвезли в роддом. Подвода, на которой он ехал, порывалась с двумя девочками. Они попросили подвезти их до ближайшей деревни, а места на подводе не

Первый отечественный «Оскар» стал признанием мужества, отваги и творческого подвига советских фронтовых кинооператоров в годы войны, главным и особым оружием которых была кинокамера

кинооператоров в годы войны, главным и особым оружием которых была кинокамера.

К сожалению, дальнейшая история этого «Оскара» неизвестна – где хранятся статутка и диплом, нашла ли награда создателей фильма, знал ли творческий коллектив картины о ней... Очевидно, как было принято в те непростые времена, по соображениям политическим и идеологическим, об «империалистической» премии за советскую кинокартину знали лишь те, «кому положено». А для остальных, включая и создателей

было. «Подвезите их, – попросил отец товарищей, ехавших с ним, – а я махну напрямик, быстрее будет, да и поспимаю кое-что».

Поле, через которое он пошел и где хотел снять картины отшумевшего только что боя, оказалось заминированным. Он подорвался на первой же мине... упал с кинокамерой, которой только что отснял свои последние кадры.

А через две недели появился на свет я, которому не было суждено увидеть отца живым.

Лев ПЛАТОНОВ

«Пережив войну, я была уверена:

Сотни раз рискуя жизнью под минометным обстрелом, она спасала жизни бойцов. И вместе с Красной армией прошла путь от Сталинграда до Будапешта.

Казалось, что война далеко...

Старую украинскую песню о вольной думке и о соколе вытягивает удивительно красивый и сильный женский голос. Стоит закрыть глаза и вслушаться в это пение – и воображение уносит в сказочную, гоголевскую Украину, в вечера на хуторе, в дикий Диканьку. Относительно недалеко от тех мест в ноябре 1924 года и родилась Тамара Семеновна Брускина (в девичестве – Карасюк) – в соседней с Полтавской Харьковской области, в селе Краснопавловка Лозовского района.

Росла под южным солнцем

загорелая, веселая, романтическая, немного взбалмошная и счастливая девочка... Как вдруг в июньский день 1941 года пришла неожиданная весть: война... «Не сразу осознали люди, что произошло. Казалось, война далеко, где-то там, на западных рубежах. Мы были уверены, что наши разобьет врага уже совсем скоро. И даже в мыслях не было, что враг посмеет ступить в наш край», – вспоминает Тамара Семеновна.

В конце октября 1941 года Харьков оккупировала 6-я армия вермахта под командованием Вальтера фон Рейхенау. Сдался город почти без боя.

В январе 1942-го Красная армия предприняла наступление в районе города Изюм Харьковской области – смогли создать плацдарм на Северном Донце, можно было двигаться дальше на Харьков.

В Лозовой, недалеко от родного села Тамары, у немцев находилась главная база снабжения 17-й армии. Советские войска смогли захватить ее – это был серьезный удар по силам противника. Но наступила весна, а с ней и распутица – наступление пришлось приостановить.

На оккупированных землях в каждом колхозе был поставлен староста, подчинявшийся немецкому коменданту. Перемещаться из села в село без ведома коменданта было запрещено. Гитлеровцы не задумываясь, без сожаления расстреливали местных жителей за любое неповиновение...

В Краснопавловку они вошли 12 октября 1941 года.

Но уже через несколько недель после захвата села в тылу у врага начала действовать партизанская разведгруппа. Смириться с тем, что враг хозяйничает на их земле, краснопавловцы не

могли. Фашисты схватили и расстреляли партизанскую дружину Пономаренко... Но молодежь продолжала идти в партизаны.

Побег из логова смерти

Весной 1942 года Тамара Карасюк примкнула к краснопавловским партизанам. Воевала она в разведке. Сколько раз приносили они ценные сведения о расположении сил врага в Днепроретровске, Полтаве...

«Как-то раз в разведке мы наткнулись на группу румын – они ведь были союзниками гитлеровцев, такими же оккупантами, – говорит Тамара Семеновна. – Это была первая встреча со смертью лицом к лицу. Они распознали в нас партизан, завязалась рукопашная. Глаза того солдата, который пошел на меня, страшно сверкали ненавистью. Конечно, он убил бы меня. Уце-

лела чудом – мне удалось выхватить нож и заколоть его».

Однажды, возвращаясь из разведки, они были захвачены фашистами и отправлены в Павлоградский концлагерь. «Мне и еще двум девочкам удалось убежать. А остальных фашисты замучили... Бежали мы без оглядки, как безумные. По болотам, по лесам, оборванные, грязные, голодные, замерзшие. Стучались в дома, просили укрыть нас. Многие жители боялись и не открывали нам дверь. Но находились и добрые, бесстрашные люди. Я отморозила себе ноги – да так, что уже не чувствовала ничего. И, к счастью, нас пустила в свой дом одна женщина».

Черные руины Сталинграда

В начале 1943 года Тамара попала в действующую армию – направили ее санинструктором в

3-ю роту 51-го отдельного гвардии саперного батальона. В Сталинград...

Тамара Семеновна с гордостью показывает мне медаль – «За оборону Сталинграда». Вспоминает руины домов, которые напоминали черные скелеты. Снежное безмолвие нарушал грохот орудий и минометов. Мертвые люди на улицах стали уже привычным зрелищем. На хрупких плечах 19-летняя девочка и ее подружки-санитарки выносили людей – живых и мертвых, мужчин и женщин, стариков и детей... А над головой кружили и грозно клокотали, как черные птицы, вражеские самолеты, под ногами горела земля, сотрясаясь от взрывов.

Госпитали были переполнены. В любой час могла прийти «летучка» с фронта – раненых начинали выгружать из вагонов, распределять: кого – в операци-

онную, кого – в отделения. Чтобы раненые не замерзали, их закутывали в специальные меховые конверты с дыркой для лица.

А тем временем на фронте произошел великий перелом. В феврале капитулировала попавшая в окружение и оборонявшаяся в руинах города 6-я немецкая армия фельдмаршала Паулюса, еще осенью 1942-го намеревавшаяся взять Сталинград. Война пошла теперь уже по-иному сценарию.

Переправа, переправа! Берег левый, берег правый

А гвардии рядовой санинструктор Карасюк вернулась на родную Украину, охваченную огнем и горем...

Летом и осенью 1943 года, после битвы под Курском, Красная армия начала освобождение восточных областей Украины.